

Российское культурное влияние в Персии в начале XX в.

EDN: AAWWJM

Аннотация. В статье содержится анализ процесса распространения российского культурного влияния в Персии в начале XX в., изучаемого на основе данных о работе российских учебных и медицинских учреждений в таких крупных экономических центрах, как Тавриз и Тегеран. Деятельность школ и больниц в столичном городе при этом рассматривается в сравнении с аналогичными учреждениями соперничавших с Россией европейских держав и США. Устанавливается уровень финансирования учреждений, охвата контингента учеников и пациентов, предоставленных им образовательных и медицинских услуг. Несмотря на гораздо более скромное финансирование российских больниц, поток пациентов в них из числа местных жителей неизменно увеличивался. Особенностью же их работы было то, что они, в отличие от европейских и американских учреждений, были ориентированы прежде всего на обслуживание широких народных масс Персии и с каждым годом приобретали все большее доверие со стороны последних. Делается вывод о высоком уровне популярности среди иранцев функционировавших в Персии российских учреждений.

Ключевые слова: российско-иранские отношения, российско-персидское транстраничье, цивилизаторская миссия, внешняя политика, колонизация, фронтирная история.

Российско-иранские отношения традиционно вызывают большой исследовательский интерес у научного исторического сообщества. Особенно в контексте международного соперничества держав в борьбе за влияние в Персии¹. Большое количество работ по вопросам российско-британского соперничества принадлежит также англоязычным исследователям².

¹ *Игнатъев А. В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908–1914). М., 1962; *Бондаревская Л. Г.* Англо-русские отношения в Персии накануне Первой мировой войны // *Россия на рубеже XIX–XX веков*. М., 1999. С. 325–335; *Мукатчев А. В.* Раздел сфер влияния между Россией и Англией в Персии в 1907 г. как часть дипломатической подготовки к Первой мировой войне // *Вестник Вятского государственного университета*. Серия: История и археология. 2014. № 11. С. 88–93; *Шевель А. А.* Англо-русское сотрудничество и соперничество в Персии в 1905–1911 гг. // *Вестник Брянского государственного университета*. 2015. № 2. С. 190–195 и др.

² *Maccarthy M.* Anglo-Russian Rivalry in Persia. *The University of Buffalo Studies*. 1925, vol. 4, № 2, pp. 27–67; *Kazemzadeh F.* Russia and Great Britain in Persia 1864–1914. London, 1968; *Nazem H.* Russia and Great Britain in Iran (1900–1914). Tehran, 1975; *Wilson K. M.* The policy of the entente: Essays on the determinants of British foreign policy. 1904–1914. Cambridge, 1985; *Waldron P.* The End of Imperial Russia, 1855–1917. Houndmills; Basingstoke, 1997; *Wynn A.* Persia in the Great Game. Sir Percy Sykes: Explorer, Consul, Soldier, Spy. London, 2003; *Tchalenko J.* Images from the Endgame: Persia through a Russian Lens, 1901–1914. London, 2006; *Andreeva E.* Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism. London; New York, 2007 и др.

Немалое внимание уделено отечественными авторами рассмотрению экономического аспекта российского проникновения в соседнее государство³. Прежде всего в торговой сфере⁴. В последнее время стали появляться исследования о российской земледельческой колонизации южных прикаспийских провинций⁵. При этом почти не затронутыми остаются вопросы, связанные с распространением образования и оказания медицинской помощи в Персии российскими представителями. Исключение составляет статья А. Б. Ларина об обеспечении медицинской помощью русских переселенцев в Астрабадской провинции⁶, а также краткое упоминание в работе Г. Г. Корноуховой факта наличия больниц на Лианозовских промыслах в Персии. Здесь в приемных покоях помимо российских подданных находилось также 30–40 иранцев⁷.

В настоящем исследовании ставится **цель** определить уровень распространения российского культурного влияния в Персии в начале XX в. через работу российских учебных и медицинских учреждений в таких крупных экономических центрах, как Тавриз и Тегеран. При этом ис-

³ *Ананьич Б. В.* Учетно-ссудный банк Персии в 1894–1907 гг. // *Монополии и иностранный капитал в России: [сборник статей]*. М.; Л., 1962. Вып. 4. С. 274–314; *Ананьич Б. В.* Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг.: (По материалам Учетно-ссудного банка Персии). Л., 1975; *Арабаджян З. А.* Николай Нотович — энтузиаст российских железнодорожных концессий в Персии // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 451–462.

⁴ *Куканова Н. Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в VII — первой половине XIX века (по материалам русских архивов). Саранск, 1977; *Атаев Х. А.* Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII–XIX вв. М., 1991; *Кулагина Л. М.* Торгово-экономические связи России и Ирана (XIX — начало XX вв.) // *Иран. История, экономика, культура*. Памяти С. М. Алиева. М., 2009. С. 120–121; *Корноухова Г. Г.* Российские экспортеры в Иран vs закавказский транзит европейских товаров в начале 1880-х гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 556–567 и др.

⁵ *Ларин А. Б.* Политика колонизации как политика безопасности: российское переселенчество в Астрабадскую провинцию Ирана в эпоху Великой войны // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2023. Т. 14. № 11 (133); *Он же*. «Чисто культурно-экономический характер...»: Российская земле(вла)дельческая колонизация прикаспийских провинций Ирана и категория «культурное завоевание» // *Новая и новейшая история*. 2024. № 5. С. 110–125; *Он же*. Становление российского землевладения в прикаспийских провинциях Ирана: правовые аспекты и юридические сложности // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2024. Т. 15. № 9 (143) и др.

⁶ *Ларин А. Б.* «Жизнь здесь русских поселенцев оказалась, однако, для них тяжким испытанием»: первые попытки обеспечения медицинской помощью русских переселенцев в Астрабадскую провинцию // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2023. Т. 14. № 8 (130).

⁷ *Корноухова Г. Г.* Русские трудовые мигранты на Астрабадских рыболовных промыслах Лианозовых в Персии, рубеж XIX–XX вв. // *Гришаевские чтения: Материалы VII Международной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В. В. Гришаева*, Красноярск, 07–08 ноября 2024 года. Красноярск, 2025. С. 16.

следование проводится в сопоставлении с данными о других странах — США, Великобритании, Франции и Германии, которые также видели в увеличении числа иностранных школ и больниц в Персии один из способов усилить свое политическое присутствие в этой стране.

Исследование опирается на делопроизводственные документы, хранящиеся в фонде «Персидский стол» (Ф. 144) Архива внешней политики Российской империи, и публикации, сделанные следующими современниками описываемых событий: представителем Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия А. М. Сахаровым, чиновником Министерства земледелия Б. В. Бессоновым и востоковедом Б. М. Гурьевым.

Во второй половине XIX в. на фоне ускорявшегося промышленного развития нашего государства происходила активизация российско-персидских торговых отношений. Представители дипломатического корпуса размещались в тринадцать консульских отделениях, открытых в различных городах Северной Персии. В Тебризе, Мешхеде и Тегеране находились генеральные консульства; в Астрабаде и Реште функционировали консульства, и в Урмии, Ардебиле и Хое — вице-консульства. С 1879 г., главным образом для инструктирования персидской казачьей бригады, сюда стали приезжать военные. Одновременно российские торговые служащие стали все более активно заселять приграничные территории Северной Персии.

Российские политические круги всемерно приветствовали процесс увеличения числа российских подданных на территории соседнего государства. В 1912 г. российской Думой было принято решение о реализации программы массового заселения русскими прикаспийской области Персии. В первую очередь она была рассчитана на крестьян и предусматривала покупку ими земли у персидских собственников. Эта программа осуществлялась вплоть до 1917 г.⁸ и дала свои заметные результаты: к 1915 г. в Астрабадской провинции насчитывалось уже более 2 500 переселенцев⁹.

Российское правительство придавало вопросу переселенческого движения в Персию большое геоэкономическое значение. Оно должно было закрепить северные районы страны за Российской империей и не дать возможности никаким другим европейским державам, прежде всего Германии, обосноваться здесь. Считалось, что контингент переселенцев сможет дать значительное количество агентов, детально знакомых с условиями местного рынка. Покупательская способность самих переселенцев оживит и расширит русскую торговлю, привьет местному на-

⁸ Корноухова Г. Г. Русские трудовые мигранты... С. 283.

⁹ Бессонов Б. В. Русские переселенцы в Северной Персии. Пг., 1915. С. 84.

селению потребность во многих российских товарах, не находивших до сих пор в Персии необходимого рынка сбыта. Представитель Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия А.М. Сахаров рисовал следующую оптимистическую картину: «Посредством базаров, мелочных лавок и разъездных торговцев предметы ежедневного обихода русской фабрикации потекут непрерывным потоком во все глухие уголки северной Персии. Колонизация, наконец, укрепит в крае русскую власть, расширит связи с туземцами, улучшит пути и средства сообщения, увеличит кредитные обороты русского банка, оживит пароходство по Каспийскому морю...»¹⁰.

Российские дипломатические представители рассматривали открывавшиеся в местах локации русскоязычного населения русские школы и больницы как дополнительную возможность усилить российское присутствие в Персии. Они должны были способствовать приобщению иранцев к русской культуре, постепенно сгладить религиозную нетерпимость и бытовую замкнутость большинства местного населения¹¹.

Что касается учебно-образовательных учреждений, то одно из них находилось в Тавризе, представлявшем собой крупный торговый центр в северо-западной части Персии. По свидетельству современников, тавризское училище находилось «в цветущем состоянии» и по программе соответствовало российским городским училищам. В нем преподавался Закон Божий, русский, персидский, арабский языки, арифметика, геометрия, естествознание, физика, история, география, чистописание, черчение, рисование, а также пение и гимнастика.

Училище находилось в ведении российского императорского генерального консульства в Азербайджане и насчитывало 100 учеников. Учащиеся, при желании, могли носить форму, которая состояла из черной или серой тужурки с серебряными пуговицами и серебряных эполет с надписью «Русско-перс. учил.».

Иранцы представляли в училище заметную часть учеников, поступавших сюда главным образом ради изучения русского языка. Помимо детей контингент учащихся был представлен также взрослыми, которые уже хорошо знали преподаваемые предметы. Из-за этого возникали трудности при формировании классов¹².

Посетивший занятия начальных классов Б.М. Гурьев вспоминал, что преподавание русского языка проводилось при активном использовании наглядного материала, и хотя педагогом был иранец, но он очень доходчи-

¹⁰ Сахаров А. М. Русская колонизация Астрабадской провинции. Пг., 1915. С. 58–59.

¹¹ Там же. С. 61.

¹² Гурьев Б. М. Поездка в Тавриз // Исторический вестник. СПб., 1912. Т. 129. С. 310–337, 328.

во излагал материал, и ученики быстро усваивали его объяснения. Гурьева умилило, как воспитанники читали стихотворение «Осень» А. С. Пушкина, а в библиотеке ему показали переведенный на фарси рассказ Л. Н. Толстого «Чем люди живы», который особенно нравился иранским учащимся, и таких книжечек здесь лежала целая пачка для раздачи ученикам¹³.

Училище было открыто в 1906 г., и в его архиве хранились фотографии первых выпускников, окончивших его в 1911 г. На экзамене по русскому языку ученики писали сочинения по трем темам на выбор: о комедии «Ревизор», по случаю пятидесятилетия освобождения крестьян в России и о комедии императрицы Екатерины II «О время!»¹⁴.

В отличие от Тавриза ситуация в Тегеране была уже не такая благополучная для России. Здесь работало достаточно много учебных заведений других государств. Так, большую известность и авторитет имела американская средняя школа, насчитывавшая 500 учеников обоего пола разных возрастов и 20 преподавателей. Школа пользовалась популярностью, в том числе и среди российских жителей Персии, из-за того, что учащиеся получали превосходное знание английского языка¹⁵.

Франция открыла в Тегеране два типа школ — духовную и светскую. Первая была организована монахами, энергично собиравшими пожертвования среди как европейского, так и иранского населения Тегерана. Она насчитывала 300 воспитанников, которых в школе обучали не только стандартным дисциплинам, но также ремеслам и рукоделию. Это, в свою очередь, давало возможность школе иметь дополнительные денежные поступления, поскольку она принимала заказы на разные швейные работы¹⁶.

Светская французская школа соответствовала по своему типу российскому реальному училищу и находилась в ведении местного комитета «Alliance Française», а также получала ежемесячную субсидию от персидского казначейства в 100 туманов. Контингент учащихся в основном состоял из иранских мальчиков. По окончании обучения лучшие ученики этой школы направлялись на средства комитета для продолжения образования в Париж и, возвратившись оттуда обратно, принимались на службу «делу просвещения» в Персии в том городе, какой указывал комитет¹⁷.

Также французские преподаватели принимали участие в работе гебрской школы имени Заратустры, принадлежавшей колонии тегеранских

¹³ Гурьев Б. М. Поездка в Тавриз. С. 328–329.

¹⁴ Там же. С. 329.

¹⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 144. Оп. 488. Д. 4178. Л. 14 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 15.

парсов, и персидской школы Эльмиэ, содержавшейся на средства персидского правительства.

Два практиковавших в Тегеране французских врачей также состояли преподавателями в персидской четырехлетней Ecole Polytechnique с тремя отделениями — военным, инженерным и медицинским. Ученики в основном набирались из выпускников школы «Alliance Française» и персидской школы Эльмиэ¹⁸.

Таким образом, Франция проявляла самую большую активность в сфере образования в Тегеране.

Германия, которая пришла в это государство гораздо позже остальных держав, также весьма основательно принялась за дело. Немецким представителям с самого начала удалось выстроить «величественное двухэтажное здание немецкой школы», рассчитанное на 500 воспитанников. В школе работали высокообразованные преподаватели. Программа обучения была рассчитана таким образом, чтобы окончивший школу мог поступить в Германии в любое высшее учебное заведение в соответствии со своими способностями. Изначально школа была выстроена на пожертвования, собранные в самой Германии. В дальнейшем регулярное финансирование стало поступать из этой страны на государственном уровне. Помимо этого, школа взимала с учеников плату и получала ежегодную субсидию от персидского правительства в размере 10 тыс. туманов¹⁹.

К сожалению, существовавшая с 1906 г. в Тегеране Русская шестиклассная мужская прогимназия, открытая на деньги Учетно-ссудного банка Персии, очень проигрывала своим конкурентам. Ее финансирование и качество образования заметно уступали учебным заведениям других стран — Великобритании, Германии, Франции и США. Современник, ознакомившейся с делами школы, рекомендовал расширить ее учебную программу, разлив до объема программы немецкой или превратить прогимназию в среднее коммерческое училище, так как все воспитанники были детьми российских кавказских и персидских купцов. С его точки зрения, программа должна была давать законченное образование с правом продолжить его в высших учебных заведениях в России. Преподавательский состав также нуждался в улучшении²⁰.

Что касается русских больниц, то здесь Россия также встретила с серьезной конкуренцией в лице европейских держав и США как по числу врачей, так и по обустроенности и работе лечебных заведений.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4178. Л. 15 об.

¹⁹ Там же. Л. 16.

²⁰ Там же. Л. 17.

В Тегеране Великобритании представляли два врача. Первый из них служил в приемном покое при миссии, в котором принимал пациентов. В его распоряжении имелась богатая аптека, операционная, лаборатория и несколько помощников. Второй врач был закреплен за англо-индийским телеграфом и английским банком. Оба врача были очень популярны в городе и имели широкую практику в богатой части персидского общества²¹.

Французских врачей в Тегеране было также двое. Оба они обслуживали представителей персидской знати. Также они были приглашены в качестве консультантов в строившийся на средства персидского правительства военный госпиталь. У находившегося в Тегеране российского врача не было никаких сомнений в том, что в скором времени его французские коллеги возьмут под свой полный контроль данную больницу и там «французские врачи будут являть торжество их науки и искусства»²².

Германию представлял врач-хирург и его младший ассистент. Оба заведовали правительственной больницей в Тегеране, которая располагалась в центре города, занимая обширную площадь земли с парком. Изначально больница имела 30 мест, но ежегодно расширялась и в будущем планировала разместить до ста кроватей. В распоряжении медперсонала было много инструментов отличного качества. Особенностью больницы было наличие дезинфекционной камеры, имевшей исключительную важность в Персии, периодически переживавшей вспышки эпидемий острозаразных заболеваний.

Кроме двух немцев в больнице служили также четыре персидских врача. Ее аптека находилась под управлением специального врача-фармацевта, также иранца, располагавшего штатом помощников. Столь многочисленный штат медицинского и обслуживающего персонала при тридцати больных позволял немецким докторам в течение весенне-летнего периода жить за городом, посещая лечебное заведение в городе раз в неделю по вторникам, все остальное время занимаясь частной практикой. Однако, по замечанию российского доктора, немецкие врачи не пользовались популярностью среди иранцев и если имели частную практику, то лишь среди европейцев²³.

При Американской миссии также находились два врача — мужчина и женщина. Оба они работали в американском госпитале, который считался лучшим в городе. Он размещался в нескольких больничных здани-

²¹ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4178. Л. 14.

²² Там же. Л. 16.

²³ Там же. Л. 16 об.

ях на обширной площади земли, вмещал 50 кроватей, имел амбулаторию и четыре отделения: «женское», «заразное», «лихорадочное», «хирургическое»²⁴.

Кроме двух американских врачей госпиталь нанимал нескольких персидских медицинских работников. Иранцы относились с большим уважением к данному лечебному учреждению, упрекая американцев лишь в том, что там каждому больному «навязывалась библия» и что туземные ученики и врачи набирались почти исключительно из персидских евреев²⁵.

Что касается медицинских услуг, оказывавшихся российской стороной, то в Тегеране первоначально российский врач принимал больных в амбулатории при аптеке Русской миссии. В 1904 г. из-за начала масштабной холерной эпидемии правление Учетно-ссудного банка Персии командировало в Тегеран врачебный отряд, обеспечив его всеми необходимыми средствами. Отряд работал четыре месяца, после чего вернулся в Россию. Оставленные им на местах обильные запасы медикаментов, перевязочных средств и инструментов позволили в дальнейшем открыть в Тегеране больницу в здании, арендованном у итальянской подданной по фамилии Андрини. Содержало больницу российское Общество востоковедения. Сразу же им были присланы кровати и комплекты больничного белья. В больнице работали два врача (от Российской миссии и от Учетно-ссудного банка) и сестра милосердия. В период с 1907 г. до 1910 г. больницей заведовал уже только один врач, присланный из российской казачьей бригады. Он привлек для работы в больнице также фельдшеров своего воинского подразделения, тем самым решив проблему нехватки рабочих рук²⁶.

Больница сразу стала пользоваться большой популярностью среди иранцев, а число пациентов ежегодно возрастало. Так, если в 1908 г. амбулаторных больных было 2714 человек, то в 1909 г. — 5507 человек, а в 1910 г. — 7466 человек. Увеличивалось и число стационарных больных. В 1908 г. их было 33 человека, а в 1910 г. — 70 человек²⁷.

В 1910 г. врач казачьей бригады и фельдшеры покинули больницу, а само лечебное заведение пришло в состояние упадка. Заступивший на службу врач Российской императорской миссии в Тегеране В.А. Доброхотов сообщал в 1913 г. в своем рапорте императорскому российскому поверенному в делах Персии Е.В. Саблину, что он принял боль-

²⁴ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4178. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 14 об.

²⁶ Там же. Л. 17 об., 18 об., 25.

²⁷ Там же. Л. 6 об.

ницу с весьма скудным инвентарем, поломанной мебелью, изношенным и очень ограниченным количеством инструментом. В аптеке было абсолютно пусто, а помощников почти не было.

Финансирование больницы также было недостаточным. Оно складывалось из субсидий Учетно-ссудного банка Персии (3000 руб.), Общества востоковедения (1300 руб.), а также процентов с капитала, пожертвованного г. Власовым (500 руб.). Таким образом, больница имела ежегодный доход 4800 руб. или около 30 тыс. кранов. Расход же составил в 1911 г. — 36 497 кранов, а в 1912 г. — 44 161 кран. Таким образом, больничный бюджет испытывал дефицит и, чтобы устранить его, вновь прибывшему врачу приходилось серьезно экономить и прикладывать усилия для сбора частных пожертвований²⁸.

В.А. Доброхотов обладал необходимой предприимчивостью, и ему удавалось не только находить дополнительные средства, но и разрешить проблему нехватки рабочих рук. Так, с течением времени он нашел среди армянской и иранской молодежи много добровольных помощников. Одни шли волонтерами ради изучения практической медицины, другие — фармацевтики. Также бесплатно работали два врача с целью совершенствования своих навыков и приходили ученики местной медицинской школы, которая находилось под управлением французских врачей. Всего за время заведывания больницей В.А. Доброхотовым в ней работало 3 врача, 3 фельдшера и 2 фармацевта²⁹.

Приток пациентов при этом еще более увеличился. Если в 1910 г. амбулаторных больных насчитывалось 7466 человек, то в 1911 г. — 7767 человек, а в 1912 г. — уже 10 343 человека. Число же стационарных больных увеличилось с 70 человек в 1910 г. до 238 человек в 1911 г. Из них европейцы составляли 42 человека, а иранцы — 196 человек (155 мужчин и 41 женщина)³⁰.

В 1913 г. В.А. Доброхотов также покинул больницу. Его преемник, доктор Ионисянц, уже не обладал такой энергичностью в поиске финансовых средств, и больница постепенно пришла в полный упадок. Ее помещение, и ранее не отвечавшее многим требованиям гигиены, теперь стало аварийным: в двух комнатах провалились потолки, а в других появилась столь сильная течь, что во время дождей приходилось передвигать койки больных³¹.

²⁸ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4178. Л. 17 об., 18.

²⁹ Там же. Л. 17 об.

³⁰ Там же. Л. 6 об., 9.

³¹ Там же. Л. 25 об.

В связи со столь критическим положением российский поверенный в делах Персии Е. В. Саблин в ноябре 1913 г. направил министру иностранных дел С. Д. Сазонову отношение с целью побудить российское правительство начать финансирование больницы, дабы помочь ей «занять подобающее место среди расширяющихся и совершенствующихся <...> госпиталей, руководимых иностранцами и служащими распространением вряд ли благоприятных нам веяний»³².

Он говорил о необходимости открытия в Тегеране образцовой русской больницы, а также считал целесообразным развить уже начатую врачом Доброхотовым практику привлечения молодых иранцев к лечебному делу; начать обучение желающих основам хирургии, терапии и фармакологии. То есть речь шла о постепенной подготовке национальных специалистов для самостоятельной врачебной практики среди своих соотечественников, «в массе своей совершенно лишенных медицинской помощи по сие время»³³.

Двадцать восьмого декабря 1913 г. состоялось заседание больничного комитета, в котором помимо самого Е. В. Саблина приняли участие генеральный консул в Тегеране А. Н. Шриттер, второй секретарь императорской миссии Грюнман, временно-управляющий Учетно-ссудным банком Персии в Тегеране Р. Я. Видеман, казначей больницы А. В. Вашневский, вновь назначенный врач Ионисян и другие лица.

Собравшиеся постановили ходатайствовать перед правительством об оказании больнице серьезной финансовой поддержки. В ожидании же денежных отчислений было решено ввести в действие с 1 января 1914 г. временные правила для экономии имевшихся немногочисленных средств. В частности, если амбулаторных больных собирались продолжать лечить бесплатно, то со стационарных больных было принято взимать поденную плату в размере действительной стоимости их содержания на больничном иждивении.

Пациентам планировалось отпускать лекарства из больничной аптеки при уплате действительной их стоимости и расходов за их перевозку, хранение и изготовление. В случае же особой бедности пациентов освобождать их от оплаты³⁴.

К сожалению, в условиях начала Первой мировой войны направить необходимые средства больнице у российского правительства уже не было возможности. Это привело к дальнейшему ухудшению ее положения. В своей секретной телеграмме от 29 мая 1915 г. генеральный консул

³² АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4178. Л. 23.

³³ Там же. Л. 23.

³⁴ Там же. Л. 25, 28.

в Тегеране А. Н. Шриттер сообщал, что за отсутствием средств и дороговизны лекарств больница существовать более не может³⁵.

Таким образом, Россия в своем намерении расширять влияние в северной части Персии за счет открытия здесь образовательных и медицинских учреждений столкнулась с серьезной конкуренцией в лице западных держав. В связи с началом Первой мировой войны и отсутствием из-за этого необходимых финансовых средств России пришлось прекратить свою деятельность в начатом направлении. К этому времени в наиболее близком к российским границам районе Персии — северо-западном — России удалось интенсифицировать степень своего культурного влияния среди иранцев за счет успешной работы русской школы в Тавризе. В Тегеране России пришлось действовать в более сложных условиях из-за хорошо поставленного школьного дела у западных соперников. Работавшая же шестиклассная русская прогимназия нуждалась в серьезной перестройке по примеру европейских учебных заведений, функционировавших в Тегеране.

Русская больница, которая имела достаточное материальное и финансовое обеспечение в начале своего существования, к 1910 г. также начала нуждаться в модернизации. Однако, несмотря на ее ухудшавшееся состояние, поток иранских пациентов с каждым годом увеличивался. В то время как европейский и американский медицинский персонал был ориентирован на обслуживание персидского правительства, богатых иранцев и самих европейцев, русская больница открыла свои двери широким слоям простого населения Персии. Со стратегической точки зрения Россия благодаря этому оказалась в более выигрышном положении. Поскольку на критическое положение больницы было обращено внимание со стороны правительства, то материальные проблемы должны были во вполне обозримом будущем разрешиться, и у России были все шансы упрочить свое экономическое и политическое положение в Тегеране через реализацию своей культурной миссии. К сожалению, достичь поставленной цели России не удалось из-за ее вступления в мировой военный конфликт и начала революционных процессов в 1917 г.

Список литературы

1. *Ананьич Б.В.* Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг.: (По материалам Учетно-ссудного банка Персии). Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1975. 211 с.
2. *Ананьич Б.В.* Учетно-ссудный банк Персии в 1894–1907 гг. // Монополии и иностранный капитал в России: [сборник статей]. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, Ленингр. отд-е, 1962. Вып. 4. С. 274–314.

³⁵ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4178. Л. 49.

3. *Арабаджян З.А.* Николай Нотович — энтузиаст российских железнодорожных концессий в Персии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 451–462. DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-4-451-462. EDN: PPCPTR.
4. *Атаев Х.А.* Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1991. 291 с.
5. *Бондаревская Л.Г.* Англо-русские отношения в Персии накануне Первой мировой войны // Россия на рубеже XIX–XX веков. М.: РОССПЭН, 1999. С. 325–335.
6. *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908–1914). М.: СОЦЭГИЗ, 1962. 244 с.
7. *Корноухова Г.Г.* Российские экспортеры в Иран vs закавказский транзит европейских товаров в начале 1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 556–567. DOI: 10.22363/2312-8674-2022-21-4-556-567. EDN: DMQWPE.
8. *Корноухова Г.Г.* Русские трудовые мигранты на Астрабадских рыболовных промыслах Лианозовых в Персии, рубеж XIX–XX вв. // Гришаевские чтения: Мат-лы VII Междунар. науч. конф., посвящ. памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева, Красноярск, 7–8 ноября 2024 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2025. С. 15–18.
9. *Куканова Н.Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в VII — первой половине XIX века (по материалам русских архивов). Саранск: Мордовское государственное издательство, 1977. 286 с.
10. *Кулагина Л.М.* Торгово-экономические связи России и Ирана (XIX — начало XX вв.) // Иран. История, экономика, культура. Памяти С.М. Алиева. М.: Институт востоковедения РАН, 2009. С. 118–140.
11. *Ларин А.Б.* «Жизнь здесь русских поселенцев оказалась, однако, для них тяжким испытанием»: первые попытки обеспечения медицинской помощью русских переселенцев в Астрабадскую провинцию // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 8 (130). DOI: 10.18254/S207987840027938-0.
12. *Ларин А.Б.* Политика колонизации как политика безопасности: российское переселенчество в Астрабадскую провинцию Ирана в эпоху Великой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 11 (133). DOI: 10.18254/S207987840029145-8.
13. *Ларин А.Б.* Становление российского землевладения в прикаспийских провинциях Ирана: правовые аспекты и юридические сложности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. № 9 (143). DOI: 10.18254/S207987840032618-8.
14. *Ларин А.Б.* «Чисто культурно-экономический характер...»: Российская земле(вла)-дельческая колонизация прикаспийских провинций Ирана и категория «культурное завоевание» // Новая и новейшая история. 2024. № 5. С. 110–125. DOI: 10.31857/S0130386424050093.
15. *Мукатчев А.В.* Раздел сфер влияния между Россией и Англией в Персии в 1907 г. как часть дипломатической подготовки к Первой мировой войне // Вестник Вятского государственного университета. Серия: История и археология. 2014. № 11. С. 88–93.

16. Сухоруков А. Н. Русские поселения на севере Ирана в начале XX века // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: мат-лы Междунар. науч. конф. (IX Колосницинские чтения), 16–17 апреля 2014 года. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2014. С. 282–287.
17. Шевель А. А. Англо-русское сотрудничество и соперничество в Персии в 1905–1911 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 190–195.
18. Andreeva E. Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism. London; New York, Routledge, 2007. 273 p.
19. Kasemzadeh F. Russia and Great Britain in Persia 1864–1914. London, [N. s.], 1968. 711 p.
20. Maccarthy M. Anglo-Russian Rivalry in Persia // *The University of Buffalo Studies*. 1925, vol. 4, no. 2, pp. 27–67.
21. Nazem H. Russia and Great Britain in Iran (1900–1914). Teheran, Sherkat Iran Chap, 1975. 201 p.
22. Tchalenko J. Images from the Endgame: Persia through a Russian Lens, 1901–1914. London, Al-Saqi Press, 2006. 264 p.
23. Waldron P. The End of Imperial Russia, 1855–1917. Houndmills; Basingstoke: Macmillan, 1997. 200 p.
24. Wilson K. M. The policy of the entente: Essayson the determinants of British foreign policy. 1904–1914. Cambridge, Cambridge University Press, 1985. 199 p.
25. Wynn A. Persia in the Great Game. Sir Percy Sykes: Explorer, Consul, Soldier, Spy. London, J. Murray, 2003. 346 p.

References

1. Ananyich B. V. The Discount and Loan Bank of Persia in 1894–1907. *Monopolies and foreign capital in Russia: A collection of articles*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Leningrad Branch, 1962, issue 4, pp. 274–314. (In Russ.)
2. Ananyich B. V. Russian autocracy and capital export, 1895–1914: (Based on materials from the Discount and Loan Bank of Persia). Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1975. 211 p. (In Russ.)
3. Andreeva E. Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism. London; New York: Routledge, 2007. 273 p.
4. Arabadzhyan Z. A. Nikolai Notovich — an enthusiast of Russian railway concessions in Persia. *RUDN Journal of Russian History*. 2024, vol. 23, no. 4, pp. 451–462. DOI: 10.22363/2312–8674–2024–23–4–451–462. EDN: PPCPTP. (In Russ.)
5. Atayev Kh. A. Trade and economic relations between Iran and Russia in the 18th–19th centuries. Moscow: Nauka Publ., 1991. 291 p. (In Russ.)
6. Bondarevskaya L. G. Anglo-Russian relations in Persia on the eve of World War I. *Russia at the turn of the 19th–20th centuries*. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999, pp. 325–335. (In Russ.)
7. Ignatiev A. V. Russian-English relations on the eve of World War I (1908–1914). Moscow: SOTSEGIZ Publ., 1962. 244 p. (In Russ.)
8. Kazemzadeh F. Russia and Great Britain in Persia, 1864–1914. London: [s. n.], 1968. 711 p.
9. Kornoukhova G. G. Russian exporters to Iran vs. Transcaucasian transit of European goods in the early 1880s. *RUDN Journal of Russian History*. 2022, vol. 21, no. 4, pp. 556–567. DOI: 10.22363/2312–8674–2022–21–4–556–567. EDN: DMQWPE. (In Russ.)

10. Kornoukhova G.G. Russian labor migrants in the Astrabad fishing industries of the Lianozovs in Persia, at the turn of the 19th–20th centuries. *Grishaev readings: Proceedings of the 7th international scholarly conference dedicated to the memory of Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education V.V. Grishaev, Krasnoyarsk, November 7–8, 2024*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2025, pp. 15–18. (In Russ.)
11. Kukanova N.G. Essays on the history of Russian-Iranian trade relations in the 7th – first half of the 19th century (based on materials from Russian archives). Saransk: Mordovskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1977. 286 p. (In Russ.)
12. Kulagina L.M. Trade and economic relations between Russia and Iran (19th – early 20th centuries). *Iran. History, economy, culture. In memory of S.M. Aliyev*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2009, pp. 118–140. (In Russ.)
13. Larin A.B. „A purely cultural and economic character...“: Russian landowner colonization of Iran's Caspian provinces and the category of „cultural conquest“. *Modern and Contemporary History*. 2024, no. 5, pp. 110–125. DOI: 10.31857/S0130386424050093. (In Russ.)
14. Larin A.B. Colonization policy as security policy: Russian settlement in the Astrabad Province of Iran during the Great War. *Electronic Scientific and Educational Journal „History“*. 2023, vol. 14, no. 11 (133). DOI: 10.18254/S207987840029145–8. (In Russ.)
15. Larin A.B. „Life here for Russian settlers, however, proved to be a difficult ordeal for them“: First attempts to provide medical care to Russian settlers in the Astrabad Province. *Electronic Scientific and Educational Journal „History“*. 2023, vol. 14, no. 8 (130). DOI: 10.18254/S207987840027938–0. (In Russ.)
16. Larin A.B. The formation of Russian land ownership in Iran's Caspian provinces: Legal aspects and complexities. *Electronic Scientific and Educational Journal „History“*. 2024, vol. 15, no. 9 (143). DOI: 10.18254/S207987840032618–8. (In Russ.)
17. Maccarthy M. Anglo-Russian rivalry in Persia. *The University of Buffalo studies*. 1925, vol. 4, no. 2, pp. 27–67.
18. Mukatchev A.V. The division of spheres of influence between Russia and England in Persia in 1907 as part of diplomatic preparation for World War I. *Bulletin of Vyatka State University. Series: History and archaeology*. 2014, no. 11, pp. 88–93. (In Russ.)
19. Nazem H. Russia and Great Britain in Iran (1900–1914). Tehran: Sherkat Iran Chap, 1975. 201 p.
20. Shevel A.A. Anglo-Russian cooperation and rivalry in Persia in 1905–1911. *Bulletin of Bryansk State University*. 2015, no. 2, pp. 190–195. (In Russ.)
21. Sukhorukov A.N. Russian settlements in northern Iran at the beginning of the 20th century. *Russia and the East: Cultural ties in the past and present: Proceedings of the international scholarly conference (9th Kolosnitsyn readings), April 16–17, 2014*. Yekaterinburg: Humanities University Press, 2014, pp. 282–287. (In Russ.)
22. Tchalenko J. Images from the endgame: Persia through a Russian lens, 1901–1914. London: Al-Saqi Press, 2006. 264 p.
23. Waldron P. The end of imperial Russia, 1855–1917. Houndmills; Basingstoke: Macmillan, 1997. 200 p.
24. Wilson K.M. The policy of the entente: Essays on the determinants of British foreign policy, 1904–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 199 p.
25. Wynn A. Persia in the Great Game. Sir Percy Sykes: Explorer, consul, soldier, spy. London: J. Murray, 2003. 346 p.

Сведения об авторе

Корноухова Гадилья Гизатуллаевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)
Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
E-mail: kornoukhova-gg@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-7553-1856

Для цитирования

Корноухова Г. Г. Российское культурное влияние в Персии в начале XX в. // Социум и власть. 2026. Т. 23. № 2. С. 92–106.

Kornoukhova Gadilya G.

Russian Cultural Influence in Persia in the Early 20th Century

Abstract. This article examines the spread of Russian cultural influence in Persia in the early 20th century through the work of Russian educational and medical institutions in such major economic centers as Tabriz and Tehran. The work of schools and hospitals in the capital is compared with the corresponding institutions of competing European powers and the United States. The article determines the level of funding for these institutions, the size of the student body and patient base, and the educational and medical services provided. Despite the much more modest funding of Russian hospitals, the flow of local patients steadily increased. A distinctive feature of their work was that, unlike European and American institutions, they were primarily oriented toward serving the broad population of Persia and, year by year, gained increasing trust from it. The article concludes that the Russian institutions operating in Persia enjoyed a high level of popularity among Iranians.

Keywords: Russian-Iranian relations, Russian-Persian cross-border relations, civilizing mission, foreign policy, colonization, frontier history.

Information about the author

Kornoukhova Gadilya G.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation)
6 Miklouho-Maclay Street, Moscow, 117198, Russian Federation
E-mail: kornoukhova-gg@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-7553-1856

For citation

Kornoukhova G. G. Russian Cultural Influence in Persia in the Early 20th Century. *Society and Power*. 2026, vol. 23, no. 2, pp. 92–106. (In Russ.)